

ВЛАДИМИР СОРОКИН
ТЕЛЛУРИЯ

Владимир Сорокин
Теллурия

роман

Издательство аст

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С65

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Сорокин, Владимир

С65 Теллурия: роман / Владимир Сорокин. — Москва : АСТ : CORPUS, 2013. — 448 с.

ISBN 978-5-17-080466-5

Новый роман Владимира Сорокина — это взгляд на будущее Европы, которое, несмотря на разительные перемены в мире и устройстве человека, кажется очень понятным и реальным. Узнаваемое и неузнаваемое мирно соседствуют на ярком гобелене Нового средневековья, населенном псоглавцами и кентаврами, маленькими людьми и великанами, крестоносцами и православными коммунистами. У бесконечно разных больших и малых народов, заново перетасованных и разделенных на княжества, ханства, республики и королевства, есть, как и в Средние века прошлого тысячелетия, одно общее — поиск абсолютного, царства Божьего на земле. Только не к Царству пресвитера Иоанна обращены теперь взоры ищущих, а к Республике Теллурии, к ее залежам волшебного металла, который приносит счастье.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-080466-5

© Владимир Сорокин, 2013
© А. Бондаренко, оформление, 2013
© ООО "Издательство АСТ", 2013
Издательство CORPUS ©

• I •

— Пора трясти стены кремлевские! — Зоран сосредоточенно бродил под столом, тюкая кулачком по ладошке. — По-ра! Пор-ра!

Горан подпрыгнул, вскарабкался на лавку, сел и стал привычно покачивать ножками в стареньких сапожках. Горбоносое, низколобое, окаймленное ровной бородой лицо его излучало спокойную уверенность.

— Не трясти, а сокрушать, — произнес он. — И не стены, а головы гнилые.

— Как тыквы, как тык-вы! — Зоран ударил кулачком по ножке стола.

— Сокрушим.

Горан доказательно вытянул руку, ткнув пальцем в дымный смрад пакгауза. А там, словно по команде этого крошечного перста, двое больших, громоподобно ухнув утробами, сняли с пылающей печи стоведерный тигель расплавленного свинца

и понесли к опокам. Шаги их босых ножищ сотрясли пакгауз. На столе звякнул в подстаканнике пустой стакан человеческого размера.

Зоран стал неловко карабкаться на высокую лавку. Не прекращая болтать ногами, Горан помог ему. Зоран перелез с лавки на стол, выпрямился, подошел к краю и встал, вцепившись ручками в лацканы своего короткого пальто. Узкие глазки его впились в тигель, рыжеватые космы колыхались от доходящего сюда жара печи.

Большие поднесли тигель к опокам, наклонили. Свинец, шипя и гудя, хлынул в широкий желоб, подняв клубы серого дыма, от желоба сразу разбежались пронзительно-белые свинцовые ручейки, десятки, десятки ручейков — и заструились, закапали в опоки. Полуголые, потные большие в своих брезентовых фартуках плавно клонили тигель.

Свинец тек и растекался, исчезая в земляного цвета опоках, тек и растекался. Зоран и Горан смотрели: один — напряженно стоя на краю стола, другой — побалтывая ножками на лавке. Чудовищные мышцы на руках больших взбугрились и блестели от пота. Клубы дыма поднимались к дыре в потолке пакгауза. “На великое дело...” — подумал Зоран. “Мать сыра земля...” — вспомнил Горан.

Тигель все клонился и клонился. Казалось, этому не будет конца. Глазки Зорана заслезились. Но он не моргал и не вытирал их.

Наконец свинцовая лава иссякла. Большие с грохотом опустили тигель на каменный пол.

Зоран вытер глаза ладошками, Горан достал трубку, стал раскуривать.

— Молодцы, товарищи! — изо всех сил выкрикнул Зоран, силясь перекричать шум печи.

Но большие не слышали. Раздвигая своими огромными телами смрад наспех обустроенной плавильной, они двинулись в угол, взяли по ведру и стали жадно пить. Выпив ведра по три, они сняли фартуки, натянули на себя свои хламиды и подошли к столу. Фигуры их загородили плавильню. Тени больших упали на Зорана и Горана.

— Мо-лод-цы! — повторил Зоран, блестя довольными глазками. Лицо его сияло даже в тени больших.

Горан, попыхивая трубкой, влез на стол, кривого подошел, встал рядом.

Большие молча протянули к маленьким свои огромные ладони с коричневатыми наростами мозолей. Горан достал из кармана куртки две сто-рублевых купюры и неспешно положил на каждую ладонь. Один большой сразу сжал сторублевку в кулаке и сунул кулак в карман. Другой поднес купюру к лицу, сощурил и без того заплывшие глаза.

— Хорошая? — произнесли его губищи.

— Хорошая, — усмехнулся Горан, обнажая прокуренные зубы.

— Самая что ни на есть хорошая, большой това-

рищ! — приободрил его Зоран. — Спасибо тебе от трудовой Москвы!

— Мы вас еще позовем, — пыхнул дымом Горан.

Большой крикнул, убрал сторублевку. И снова протянул ладонь. Зоран и Горан уставились на нее. Большие смотрели на маленьких. Ладонь большого напомнила Зорану Россию, не так давно еще простиравшуюся от Смоленска до самых Уральских гор. Эту страну москвит Зоран видел только на изображениях. Большой словно дразнил его.

“Россию в кармане носит?” — мелькнуло в голове Зорана. “Тролли залупить решили”, — подумал Горан.

Прошло несколько мучительных секунд. Рыжие брови Зорана стали вызывающе изгибаться, рука Горана потянулась к карману. Но вдруг большие, озорно крикнув, размахнулись и хлопнули друг друга по ладоням.

Звук был оглушающ для маленьких.

Маленькие вздрогнули.

Большие рассмеялись. Смех их загрохотал в гофристой крыше пакгауза.

— Шутка? — вскинул брови Зоран.

— Шутка... — угрюмо кивнул Горан.

Большие развернулись и зашагали к двери. Подошли. Согнулись. На карачках по очереди пролезли в дверь. Дверь захлопнулась.

— Шутники, а? Хорошие ребята! — Зоран возбужденно заходил по столу, хватаясь за лацканы.

— Хорошие... — процедил Горан и вытянул из кармана куртки дорогой молниевый разрядник. — Я уж думал их подзарядить...

Он сплюнул. Рассмеялся, пройдясь своей кривой ногой, словно готовящей к древнему танцу, походкой. И вдруг резко пнул одиноко стоящий стакан человеческого размера. Тот слетел со стола, теряя подстаканник, звякнул по лавке, рассыпался осколками.

— Пойдем, пойдем, глянем! — засуетился Зоран, полез вниз.

— Еще горячие. Путь остынут.

— Глянем, глянем, пока люди не пришли!

Они слезли на пол, подошли к опокам. Их было двадцать. Горану они напомнили старую капиталистическую фильму про инопланетных чудовищ, откладывающих такие вот землистые яйца-коконы. Из этих яиц потом вылуплялись какие-то неприятные твари.

Зоран подбежал к ящику с инструментом, схватился было за кувалду, но не смог ее даже сдвинуть с места. Нашел молоток, поднял над головой как знамя, побежал к опокам.

— Р-раз! — с разбега он ударил по опоке.

Отлетели кусочки.

— Р-раз! Два! Три! — Зоран бил яростно, настойчиво, как в последний раз.

“Вот так он и выступает...” — сумрачно подумал Горан, выбил трубку об опоку, стал ковырять в ней *пустым* теллуровым гвоздем, вычищая.

Зоран, быстро уставший, протянул ему молоток. Горан спрятал трубку и стал бить по опоке — неспешно и сильно.

С шестого удара опока треснула, посыпалась. Внутри сверкнуло литье. Маленькие принялись ногами крушить опоку. Новое, исходящее паром литье с лязгом вывалилось на пол: четыре десятка кастетов. Горан вытянул из ящика железный прут, подцепил горячий, дымящийся кастет, поднял.

— Прекрасно! — сощурился Зоран. — Народное оружие! Правильное!

Он протянул свою ручку, растопырил пальцы, примеряясь. Кастет был предназначен для *среднего* класса, то есть для обыкновенных людей. Большому, отлившему эти кастеты, он стал бы перстнем на мизинце, маленькому, оплатившему эту отливку, кастет не пришелся бы впору даже на ногу.

— Восемьсот, — напомнил Горан.

— Это восемьсот сокрушителей! Это сила!

— Восемьсот героев, — серьезно кивнул Горан.

— Восемьсот мертвых упырей! — потрясал кулачками Зоран.

В кармане у Горана запищала умница. Отбросив прут с кастетом, он достал ее, растянул перед собой привычно резким движением, словно гармонь. В полупрозрачной умнице возникла голова средневекового витязя.

— Большие уши, клопов нет, — доложил рыцарь.

— Люди? — спросил Горан.

— Здесь.

— Пятерками.

— Понял.

Горан убрал умницу. Зоран, вцепившись в свое пальто, нетерпеливо заходил вокруг пустого тигля. Горан достал трубку, подпрыгнул, сел на опоку.

“И жопу погрееет...” — подумал он и, набивая трубку, спросил:

— Вторую отливку... когда?

— Накануне! — Зоран шлепнул ладошкой по тигелю. — На-ка-нуне!

— Вождю виднее, — кивнул Горан.

Через двадцать три минуты в дверь без стука вошли пятеро людей пролетарского вида с сумками и рюкзаками.